

Владислав Макин

**Хочешь крылья
белые?
Сделай сам!**

Владислав Николаевич Макин
Хочешь крылья
белые? Сделай сам!

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43721611
ISBN 9785005025050*

Аннотация

За 13,5 миллиардов лет существования нашей Вселенной, Автор, впервые попав в этот мир, с большим интересом пытается понять: кто он такой и что все это значит. Впечатляющая картина жизни невероятного количества людей, населяющих планету Земля, от гениев мысли до клинических идиотов, безмерно изумляет и восхищает Автора. Что и является сутью и смысловой составляющей его поэтических монологов. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Введение	6
Попытка №2	9
Трудно только первые полчаса	10
Баллада о бедном рыцаре	11
Новогоднее спасание	13
Санкюлот	14
Это вам, романтики, Это вам, родимые	15
Крещенские морозы	16
Бесконечная история	17
Номенклатурное сафари	18
Плюс на минус	19
Маленький, но гордый	20
Беспечный едок	21
Искушение святого А	22
Аргонавты, отплытие	23
Узник замка Фи	24
Аскет	25
Ой, ой горячий суп...	26
Предчувствие гражданской возни	27
«Не стоит злиться на него...»	29
Гноев ковчег	30
На завалинке	31
Улитка на склоне Фудзи	32

Кровь, морковь и любовь	33
Птичка	34
День завершился	35
Пир во время чумы	37
Хитрый домик	38
Туда и обратно	39
Всем спасибо за все	40
Пастораль	41
Присказка	42
О чем не думал покойник, во время вскрытия трупа	43
Тяжело в мученьи, легко в раю	44
Тайм-аут	45
Завтрак с минотавром	46
По праву толстого	47
Постоянство выбора	48
Дерзейший отрок и некто Иероним	49
Завтра будет еще один день...	51
Упали, отжались	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Хочешь крылья белые? Сделай сам!

**Владислав
Николаевич Макин**

Редактор Надежда Семеновна Максимова

© Владислав Николаевич Макин, 2019

ISBN 978-5-0050-2505-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Признаюсь сразу: все получилось случайно.

Была толстая пачка листов со стихами. Раскладывая их, как пасьянс, в желании как-то упорядочить, мы внезапно получили своеобразный роман в стихах. Этакое «собрание пестрых глав». Почти по Пушкину.

Исследователь творчества Александра Сергеевича Е. А. Маймин в свое время писал: *«Пушкин особо подчеркивал, что писать стихами роман значит писать принципиально иначе, чем прозой, подчиняться иным художественным законам, создавать иной по своей внутренней структуре художественный мир. Стихи не только условны, но и допускают условность. Поэт в повествовании может опускать некоторые обязательные для прозаика связи и мотивировки, смешивать временные и повествовательные планы, допускать большие стилиевой и художественной игры, уходить от событийной линии сюжета и, по желанию и внутренней потребности, снова возвращаться к ней».*

Хорошо сказано. Все точно, как в нашем случае! Читаем дальше: *«В посвящении Плетневу Пушкин называет свой роман «собранием пестрых глав», в «Отрывках из путешествия Онегина» характеризует его как «рассказ несвязный».* Опять в точку! Все, как у нас! Оказывается списывание полезно... *«При всем этом роман представляет собой удивитель-*

тельно цельное произведение. В самой пестроте и разнохарактерности картин, в разнообразии настроений, в быстрых переходах от темы к теме – цельное. Эта цельность обусловлена прежде всего единством и цельностью личности автора». Ибо в свободном романе «... автор неотступно присутствует во всех сценах».

Немного коряво по стилю, но не будем придираться. В конце концов, литературоведы учат нас, а не мы их.

«...подобно большинству произведений этого жанра, роман основан на событийном сюжете. Этот событийный узел необычайно прост».

Естественно! Чего уж сложного: герой любит героиню, а она любит его. Затем герой снова любит героиню, а она снова любит его. И в последствии герой неоднократно любит героиню, а она, как и в предыдущих частях, отвечает ему взаимностью. Дополнительную остроту повествованию придает тот факт, что герой постоянно один и тот же, а героини разные.

Но, в сущности, литературное произведение создается не сюжетом, а мастерством и талантом автора. О результате судить читателю.

Вернемся к списыванию. *«За годы, в течение которых создавался роман в стихах, многое менялось и в России, и в самом авторе, и все эти перемены не могли не найти своего отражения в романе. Роман создавался по ходу жизни и становился поэтической хроникой русской жизни и своеобразной*

ее поэтической историей». С этим тоже трудно не согласиться. Времена всегда меняются, но «лишний человек» в России всегда остается. Такая уж страна.

Как сообщает далее Е. А. Маймин: *«Пушкин пишет, «отдаваясь течению жизни»*. И здесь полное совпадение с нашим случаем... *«Ограниченный по объему, роман был далеко не ограничен по своим художественным целям. Это видимое противоречие находило разрешение в принципе поэтической свободы. Автору была нужна свобода для быстрого и широкого, не стесняемого никакими ограничениями движения художественного материала и движения мысли»*.

Думаю, достаточно для того, чтобы заинтриговать (или раздражить) потенциального читателя. (Так и видятся будущие толпы литературоведов, вздымающие руки с криками: «Распните их!!! Распните их!!!» (Как минимум!)). Но надеюсь, вы достаточно интеллигенты, чтобы уничтожать меня аргументированно. Для этого надо прочесть роман. Да, я настаиваю. Роман в стихах.

(Или, по американской терминологии, «Евгений Онегин-2»).

Читайте. Мы предаем себя в ваши руки. Аргументы перед вами. В добрый путь!

Попытка №2

Мы обращаем себя в слова,
И приходят мертвые и говорят:
Кайтесь, грешные, вы еще не все знаете!
Мы воплощаем себя в дела,
И приходят живые и говорят:
Прекратите, вы нам мешаете!
И только дети, эти загадочные создания,
Понимают, как это весело —
ШУРШАТЬ УПАКОВКОЙ,
Отделяя бытие от сознания.
От сознания себя жителем бездны.
Эти Загадочные Создания.

Трудно только первые полчаса

Суета на паперти, суета.
Двери храма заперты, красота.
Смотрит голь довольная, ну и ну,
Нынче с колокольни я сигану.
Я же крылья белые сделал сам,
Трудно было первые полчаса.
Утомил я ноженьки, говорю,
Нынче я до боженьки воспарю.
У толпы шевелятся волоса,
Все никак не верится в чудеса,
Вот сидит юродивый, крестит рот.
Матерится вроде бы, ну народ.
Лишь кустов орешника полоса
Провожает грешника в небеса.
Этот час я выстрадал, видит бог,
Сколько реек выстругал, сколько сжег.
– Эй, вы люди пешие, – я кричу, —
Разбегайтесь к лешему, я лечу.
Направляю тело я в небеса.
Хочешь крылья белые – сделай сам.

Баллада о бедном рыцаре

Подари стихи простушке, золотой браслет пастушке,
И она себя послушно даст на сено завалить.

Но иной не тронут девы мавританские напевы,
Сердце гордой королевы очень трудно покорить.
Их богатство не прельщает, их ученость не смущает,
Ничего не обещает, но дает надежды нить.

Восхитительна не в меру, собираясь на премьеру,
Улыбнется кавалеру... и велит его казнить.

И спокойно примет ужин, и никто-то ей не нужен,
Или что еще похуже, нужен кто-то но не ты.

О, загадочная дева, рыцарь справа, рыцарь слева...
Но не девственная плева ныне символ чистоты.

Суть – банальные причины. Стали мелочны мужчины,
И геройство их по чину для кухарок в самый раз.

Для восторженных простушек, для простуженных пастушек,
шек,

Для гостиничных подружек, для мальчишеских проказ.

Ну, а ты, мой рыцарь бедный, что такой сегодня бледный?

Пусть трещит твой флаг победный, и над шлемом перьев
куст.

Ты забыл, как страшный дьявол в черной луже мертвый
плавал,

И твоя гремела слава, заглушая боли хруст.

И она сказала: «Бедный! Что-то вы сегодня бледный.

Разрешите флаг победный я заштопаю к утру?

Ах, из вас торчит железный, глупый стержень бесполезный.

Вы не ранены ль, мой рыцарь? Кровь позвольте вам утру».

И когда, собравши силы, ты из тела вынул вилы,

То она сказала: «Милый! Восхищенья не тая,

Я в восторге, мой любимый! Ты такой неистребимый!

Монтигомо ястребиный, где твой коготь, я твоя».

И ее сверкали глазки, и ее душили ласки,

И она любила сказки, и она была твоей.

Королева, королева, рыцарь справа, рыцарь слева.

Королева – тоже дева. Так что рыцарь, не робей!

Новогоднее спасание

Реки иссякнут и горы рассыплются прахом
Свечи мерцают налей мне вина дорогая
В черном зрачке отражается зеркало ночи
Помнишь ли поступь героев имперского Рима
Клекот орлов и бряцание бронзы о камень
О, улыбнись, поцелуй меня в губы, родная
Запах волос твоих полон речною прохладой
Камень истерся и бронза земле возвратилась
Реки иссякли и горы рассыпались прахом
Сгнули цезари зевсы и прочие вещи
встретились мы и зажгли новогодние свечи
Ближе придвинься, мне что-то сказать тебе надо.

Санкюлот

Суров сидит наш литератор.
О жизни думает, наверно.
И вдруг завыл свежо и тонко,
Ага! Картошки захотел.
И входит пламенная дева,
Чадит и брызгается салом,
И зубом цыкает проворным,
И усмехаясь говорит:
– Дурак. А если непонятно,
Думкопф, а если непонятно,
Мужик, сходил бы ты на рынок!
Самсунг ты, или не Самсунг?
И тут как вскрикнет литератор,
Как топнет ножкой загорелой!
Возьмет Муму, да и утопит.
И спит потом до часу дня.

Это вам, романтики, Это вам, родимые

Бросая пить вино и пиво,
Напрасно думать, что тебя
Возьмут за талию красиво
и поведут, лаская и любя.

Когда сухим и трезвым взором
Окинешь мир себя вокруг,
Цветами скорби и позора
Земля и небо вспыхивают вдруг.

Нелепый час сердечной муки
Не превращай в тоски года,
Давай пожмем друг другу руки
И разойдемся раз и навсегда.

Прощальных слов, мой друг, не надо,
Отныне пой за нас двоих.
И пусть забвенье и отрада
Хранят тебя от глупостей иных.

Крещенские морозы

- Что происходит со мною?
- Зима происходит.
- Мне одиноко.
- Я занят, родная, я занят.
- Кто-то царапает стекла, все ходит и ходит...
- Ветка царапает, мечется снежная замать.
- Ты разлюбил меня?
- Что ты, родная, однако...
- Ты не целуешь меня, почему?
- Ты же видишь, я занят...
- Страшно мне, милый, все воет и воет собака.
- Ветер, родная.
- Одна я.
- Я знаю, я знаю.

Бесконечная история

Город, распахнутый, словно рана,
Открытый ветрам, приносящим прохладу,
Тебя населяют ящеры и дети, чей смех —
Откровенье.

Дети вырастают и превращаются в ящеров,
Обертывают себя шелками
И берут девиз: Ярость.

Но некоторые остаются людьми
И говорят детям: Радуйтесь!
Это Учителя.

Номенклатурное сафари

Едва я появился в этом мире,
Мне сунули в руки лопату
И заорали: Копай быстрее,
Рой в направлении к центру!

Я ничего не понял, но рыл, как безумный.
Наконец, я остановился и закричал:
– Эй, там, наверху! Что это будет?
Зачем нам эта яма?

И сверху ответили:
– Это ловушка для дикого вепря Ы.
Его уже гонят сюда.
Рой быстрее.

Плюс на минус

Ему говорят:

– Человечество плюс ты – получится хорошо.

А он отвечает:

– Ответ неверный. Я сам по себе.

Они говорят:

– Тогда мы тебя вычтем.

А он отвечает: "Пожалуйста»

И уходит домой.

Жена говорит :

– Ты голодный?

А он отвечает: «Ты знаешь?

Они меня вычли. Из человечества».

– Бедненький, – говорит жена, —

Ну, садись, я налью тебе чаю.

Маленький, но гордый

Гидроцефал печально смотрит вдаль.
Светлее дня печаль гидроцефала.
Так много дел, а времени так мало,
И денег нет, и прожитого жаль...

Вдали мерцает воздуха вуаль
На горизонт накручиваясь вяло,
Земля кругла, но матушка сказала:
– Отсель уйдя, воротисься едва ль.

Осенний свет, створоженный в туман,
Течет с полей и копится в оврагах.
Судьба шуршит серебряной бумагой,
А развернешь – насмешка и обман.

Так мир велик, и так безмерно мал
В своей любви к нему гидроцефал.

Беспечный едок

Поднимались до края отвесной скалы,
Хлопя пены роняя, крутые валы,
И пытались, от ярости злы и белы,
Сбить оковы скалы, ненавистой скалы.

Разбивались они и позорно брели,
Собирались от скал в безопасной дали,
И зверея, с собой кашалотов вели
И толкали на твердь, и кричали: Вали!
Обрывая попутно рули кораблям.

А потом я услышал негромкое – Блям!
И стакан, где плескался отчаянно чай,
Раскололся. Его я толкнул невзначай...

Искушение святого А

Вся жизнь – борьба с самим собою
На территории врага.
Глаза открыл – готовься к бою,
Уже нацелены рога.
Уже гремят его копыта,
Уже ощерены клыки.
Не мир, а камера для пыток,
Сплошные кольца да крюки.
Сплошные надолбы да цепи.
Кругом то яма, то ухаб.
То зубом он тебя зацепит.
А то штаны когтями – хап!
Вот так весь день и бьешься насмерть
За право быть самим собой,
Пока, вспотев, не схватишь насморк,
И не скомандуешь: Отбой!
Отбой. И тает вражья стая.
И ты идешь и варишь чай.
И мирно шепчешь, засыпая:
До завтра, дьявол. Не скучай.

Аргонавты, отплытие

Алый вечер, алый вечер, черный бриг.
Крики чаек, ветер с юга, теплый бриз.
Небо мокнет в море краем облаков.
Путь неблизок, мы плывем без дураков.
Брызги пены, скрипы талей на ветру.
Чем-то встретит нас стихия по утру?
Чем-то встретит, не горюй, моя душа,
Ты дыши, пока погода хороша.
Наберись, душа, терпенья, все равно
Никуда от нас не денется Руно,
Если свыше нам даровано оно,
То и ветру быть попутным суждено.
Море дремлет, мысли шествуют тихи,
Так и просится стихия на стихи,
Так и лепится конфетой на язык:
Крики чаек, алый вечер, черный бриг...

Узник замка Фи

Чугунное ядро здравого смысла,
Короткая молитва тюремного капеллана,
И вот, зашитый в кожаный мешок тела,
Лечу со стен вечности в океан жизни.

Бездна желаний во тьме невежества,
лезвием мысли вспарываю оболочку времени,
И, на последнем дыхании, выскальзываю
Из душных объятий стихии.

Между небом и землей, отдыхающей чайкой,
Праздную свободу и не могу надышаться.
Эй, на фелуге, захватите несчастного!

С замка палят из пушек, побег обнаружен.
Поздно, меня ждут сокровища. Кто я?
Друг мой, я и сам бы хотел это знать.

Аскет

Проходя мимо него,
Мы особенно бодро поем свои гимны
И гудим в свои трубы.
Мы не настолько глупы, чтобы пытаться обмануть его
Своим беспечным видом.
Просто нам надо заглушить в себе желание
Кинуться на него,
И топтать... топтать... топтать...
Пока он не обретет того,
К чему так стремится —
Свободу.

Ой, ой горячий суп...

Я гляжу, а за окном осень,
На деревьях ни листка нету.
Я печальный и больной очень
И, наверное, умру к лету.

И по-прежнему зима будет,
Жизнь по-прежнему пойдет тупо,
Не жалеете вы меня, люди,
Я вас тоже не жалел, глупых.

И чего нам всем делить вроде,
Но срываются на крик дяди,
Отчего это у них в роде
Вдруг паршивая овца в стаде?

И печально оттого очень,
Что покину этот мир в ссоре.
Я смотрю, а за окном осень.
Very well, друзья, но I am sorry.

Предчувствие гражданской возни

Жизнь с тех пор, как ты из жизни этой
В мир иной сошел, не изменилась,
Нынче снег, а скоро будет лето,
После засух – снова грязь да сырость.

Ты ушел, а мы толпой зависли
На идеях, круче, чем на преме.
Тате грустно, всяческие мысли
Посещают Тату, нужных кроме.

В остальном, по-прежнему. В морали
Все блюдем, совсем изблюдовались.
Так-то славно, кто кого марали,
Те же в том и сами замарались.

Так что есть «прекрасные моменты»,
И, порой, взаимопониманье.
В перспективе – павшим монументы,
Небольшие, правда, но – вниманье.

Впрочем, вру я. Сумерки все гуще,
В темноте, ты знаешь, не до смеха.
Лягу спать. Тепло ли в райских кущах?
Дал бы знать, так я бы и приехал.

«Не стоит злиться на него...»

Не стоит злиться на него,
Не надо зеркала бояться,
Не оскорбит оно того,
Кто не намерен отражаться.

Отдайте зеркало врагам,
И пусть они ему пеняют,
Швыряют, подлое к ногам,
Кричат и яростно пинают.

А мы повесим лик вождя,
Героя времени, мессии,
И будем смело утверждать,
Что мы в душе еще красивей.

Напрасно глупые враги
Нам корчат пакостные морды.
Им не унижить нас, нагих,
Дрожащих, маленьких, но гордых.

Гноев ковчег

Наложим дружно большую кучу.
Не надо думать про скверный запах.
Взамен широкий обзор получим,
И плюс возможность глядеть на запад.
Там тоже куча! И тьма народа
Идущих в гору, горлана в рупор.
Они в скафандрах, такая мода,
А мы без оных, и это глупо.
Почти безумно. И все же странно
Платить за воздух, которым дышат.
У нас бесплатно, поднялся рано,
Одел спецовку и в скверик вышел.
Сидишь, балдеешь, ворон до черта,
Считай, товарищ, не бойся смога.
По курсу вечность, и день четвертый,
И можно смело мечтать о многом.
На кой нам леший смотреть на запад?
У них там, правда, повыше куча.
Но мы моложе, и крепче запах.
У вас, мол, вязко. Они нас учат!

На завалинке

– Ты для всех континуальный,
А со мной такой дискретный,
Говорила баба деду, слепо щурясь на звезду,
– Почему?
Скажи на милость?
Чем я, старый, провинилась?
И ответил мудрый даос:
– А иди-ка ты домой.

Улитка на склоне Фудзи

И мы отцов ругали скверно,
Забыв, что те не имут сраму,
А время медленно и верно
Текло по склону Фудзи в Яму.

С безумной скоростью улитки
Оно вертело задом липким
И обирало нас до нитки,
И обдирало, словно липки.
Хотя кормило до отвала
И устилало путь вещами,
Оно совсем не то давало,
Что нам вначале обещало.
В пятнадцать все мы гениальны,
А в сорок – редко и поштучно.
Живем негромко и банально
И мыслим строго и научно.
А после в бронзе или в камне
С высот заоблачных взираем
Как новый бродит в мире Гамлет
Страстями древними терзаем.

Кровь, морковь и любовь

Я грешил без оглядки и совести
И наказан любовью за то,
Что в печально возвышенной повести
Я нуждался, как заяц в пальто.
И хотя я любил до безумия
Божий мир, ни на грош не ценя
Жизнь свою, но сегодня я думаю,
Что она обожала меня.
Отвлекалась на вечные хлопоты
О моей непутевой душе,
И однажды сказала мне: «Жопа ты.
Все. Затрахал. Довольно. Туше.
Улыбнулась, оправила платяице
И взмахнула волшебным платком.
И отныне за мной она катится
Паровым неподкупным катком.

Птичка

Не напрягай меня без нужды,
Я все равно не напрягусь.
Я остаюсь сомнений чуждый,
Свинья, быть может, но не гусь.

Иерихонскою трубою
Весь мир назавтра прогреми,
Мне в этот вечер быть собою
Приятно, хули, топ ами

И если жизнь моя – засада,
Ищи себе других забот,
Но напрягать меня не надо,
Меня все это не a bird.

День завершался

(Шон Малыш и пятипалый)

Шон Птеродактиль сидел на большом саксауле,
Мысленно к небу в крутом воспаряя движеньи.
В небе смеркалось, ветра из тоннелей подули,
Шон чертыхнулся и зябко поддернул колени.
День первобытный свое завершая теченье
Канул туда, где и следует гнить мертвечине.
Слева от Шона неслабое вспухло свеченье,
Вновь Пятипалый возник по прихода причине.
«Снова, наверное, сбить меня будет пытаться»,
Шон осторожно вздохнул и взобрался повыше.
Но Пятипалый не в духе был Шоном питаться,
Он бормотал и чесал черепицу на крыше.
С горестным стоном поправив ее на стропилах,
Том Пятипалый прошел под большим саксаулом
Мимо цистерны, заполненной ржавым опилом,
В сторону древних руин, из которых так дуло.
День завершался, и Шон Птеродактиль зауhal,
Жаль ему стало чего-то, чему и названья
Не было в мире... и камнем увесистым в ухо
Тут же был свален на груды бетонных развалин.
День завершался. Все так и должно быть, как было.
Том закусил и совсем ему сделалось томно.
Что-то забыл он, его ли то Нечто забыло?

Том померцал и уныло затрюхал до дома...

Пир во время чумы

При отсутствии света,
Мир – пристанище Тьмы.
Нам известно об этом,
Соглашаемся мы.

И ползем в буераки,
И наощупь живем,
И друг друга во мраке
Поедаем живьем.

Мы и думать забыли,
Что такое душа,
Прометеев, как пыли,
А огня – ни шиша.
О каком-то мессии
Постоянно твердят,
Неспроста пригласили.
Непрременно съедят.

Хитрый домик

Вот щас войду я. Щас, я верю,
Войду!.. И снова в стену лбом
Шарах!.. Глазами видя двери,
Мы в них никак не попадем.

Отбив худые части тела,
И так помятые в бою,
Мы – осторожно до предела —
Заводим в домик плоть свою.

Нам точка пятая смягчает
Удары острые углов,
И сердце радости не чаёт,
Все много хуже быть могло.

Но ты любим? И понимаем?
О да!.. Ура!
...Кара Барас!
...И тут мы очи поднимаем
И видим страшный медный таз!

Туда и обратно

Чья же в этом вина,
Что устал я душой?
Выпив рюмку вина,
Я к подъезду сошел.
И уныло спросил
Ускользящий день:
Отчего я без сил,
Для чего мне мигрень?
Ветер клены качал.
Свод небес моросил.
День осенний молчал.
День был грязен и сир.
Я немного еще
Под дождем погрустил,
И обратно взошел,
И еще пропустил.

Всем спасибо за все

Как вам будет угодно
Или не будет угодно
Или не вам
Или это все-таки свинство
Лить холодную воду за шиворот
Ледяную воду
Целое ведро
Именно когда я не жду

Пастораль

Избави бог тебя, дружок,
Под сень Парнаса заблудиться,
Найти пастушеский рожок,
И в негу звуков углубиться.
Извлечь две пары верных нот,
Забыть долги, порвать все узы,
Желать лишь пения, и вот,
Познать, ликуя, близость Музы.
Измены кровная сестра,
Она тобою насладится,
И скажет ранее утра:
Я есть хочу, ступай трудиться.

Присказка

Сколько жадными устами не тверди: Халва, халва!
Слаще, видимо, не станет говорящему слова.

Так что гни свои салазки, огороды города,
Это присказка, не сказка, сказка будет впереди.

Если толком разобраться, то любовь не так уж зла.
Кто бы спас иного братца, превращенного в козла?

Вот живем себе, не тужим, что остались в дураках
Журавли в руках не хуже, чем синицы в облаках.

Алый луч на горизонте, жизнь прекрасна, ночь нежна.
Вам любовь, как рыбе зонтик, нам она, как хлеб нужна.

А когда прожив лет двадцать, мы устанем от любви,
Станем сексом заниматься и хихикать: Се ля ви!

Даже кошка любит ласку, знать и нам не повредит.
Это присказка, не сказка. Сказка будет впереди.

О чем не думал покойник, во время вскрытия трупа

О прелестях, о прелостях, о хламе,
О ностальгии, климаксе и чести,
О некой даме, храме и рекламе,
О колбасе, гипофизе и мести.

О жажде жизни и доходном месте,
О сюси-пуси, регулах и славе,
О всех богах, о жаворонках в тесте,
О голубях, эротике, исламе,

Песке, пространстве, пыли и печали,
Распаде, пепле, ужасе и смерти,
Конце, кольце, пределе и начале,

О старых винах, книгах и десерте,
И о любви, естественно. Причем,
С заглавной «Л». И больше ни о чем.

Тяжело в мученьи, легко в раю

Подсознания со дна я
Слышу бездны голоса.
Очень хочется, родная,
Окунуться в небеса.

И собачка бы хотела
Разъяснить себя богам,
Но душа прилипла к телу,
Как планета к сапогам.

Трудно, милая, словами
Необъятное объять.
Если мир, открытый нами
Только кухня да кровать.

Ожиданье силы грозной
Неоправдано пока.
Ничего, еще не поздно
Озадачить старика!

Тайм-аут

Все это где-то я читал?
Икар поверженный, Дедал,
Принц Гамлет,
Пьяные соседи,
Пельмени,
Очередь в кино,
Собор Исакия,
И леди терзает джазом пиано.
И ТЫ!
Но хватит, это глупо.
Я просто дьявольски устал.
А что в меню?
Остатки супа?
Ах, да, я помню... я читал...

Завтрак с минотавром

Все хорошо, что хорошо кончается.

Все хорошо, что хорошо.

Все хорошо.

Все.

По праву толстого

Мы выбираем пути,
Слепые, как бомбоубежища,
Дикие, как кошачьи концерты,
Жестокие, как убийство ребенка.
С камнем на шее бросаемся в омут.
Это называется —
МЫ ВЫБИРАЕМ ПУТИ

Постоянство выбора

Зверьем, почуявшим пожар,
Я продираюсь сквозь время,
Оставляя клочья шкуры
На терновнике твоих рук.

Раскаленный ветер обжигает гортань,
Испытание свободой.
Кем я выйду из этой схватки?
Оборотнем, предпочитающим вину кровь?

Или сочным лангетом,
Истекающим нежностью
С пятницы на субботу?

Впрочем, могут быть варианты.
Например, авиакатастрофа.
Или просто конец света.

Дерзейший отрок и некто Иероним

Почетный Недруг Баальбека,
Отшельник Солнечных Долин,
Доверь мне тайну человека,
Чей мир во множествах един.
Когда, окутанный туманом,
Подобный зеркалу в реке,
Тыходишь путником желанным,
Со свежим лотосом в руке,
В мой дом,
Поистине бесценно
Твое внимание тому,
Кто ищет выхода, бесцельно
Блуждая в жертвенном дыму
Своих треножников, не богу
Их дым причудливый клубя.
Верни идущему дорогу,
И он уверует в себя.
Открой источник мирозданья,
И он последует за ним
На место верного свиданья,
Духовной жаждою томим.
Чтоб, выйдя к высохшему раю,
Небес дыханием палим,
Он мог, от жажды умирая,

Шепнуть: Ты знал, Иероним!

Завтра будет еще один день...

Еще один шанс выйти из круга полной луны.
Из тысячи входов я знаю один выход —
ЭТО ТЫ.

Дыркинс! Ты меня слышишь?
В бесчисленных попытках дознаться
Почему все так глупо, мы, право,
достойны бессмертья
в виде кучек дерьма,
и на каждой – венки из укропа.
Прыткинс! Ты меня слышишь?

(Далее автор раздражается довольно сомнительной тирадой,

обращенной к некоему неизвестному лицу, которое он почему-то именуется Жителем Бездны. Постепенно он истощается и засыпает.

Последнее, что мы видим – это расплывчатый силуэт женщины за окном, исчезающий в потоке дождя. Сквозь сон беспокойное бормотание автора:

...Между нами стекло
и оно темно.
Я целовал бы тебя, но

МЕЖДУ НАМИ СТЕКЛО...

Что стекло и куда, остается невыясненным, потому что
в этом
месте луна с треском перегорает, и все погружается...)

Упали, отжались

Ближе надо быть к народу!
И выражевывать простей
Его духовную природу —
Стихию смеха и страстей.

Он сам умеет выразаться
И меткий пендель приложить,
Когда вокруг него кружатся
Бесстыжих денег миражи.

А в руки – суки! – не даются
А те, без денег, не дают.
Сейчас без денег не обуться
И каждый третий – не обут.

Но мы обуем всю Россию!
Да мы и есть ее народ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.